

А. Н. Куклин (*Йошкар-Ола*)

Удмуртский субстрат в топонимии Республики Марий Эл

Республика Марий Эл, являющаяся составной частью Поволжско-Приуральского историко-географического региона, характеризуется сложным этническим и антропологическим составом населения. Здесь проживают представители финно-угорской, тюркской и индоевропейской языковых семей [Ефимова 1991: 3].

При ретроспективном анализе этнолингвистической карты Урало-Поволжья можно проследить, что в его пределах в разные исторические эпохи с разной интенсивностью происходили миграции и инфильтрации разнородных этнокультурных элементов, взаимоассимиляции пришельцев и местного населения и другие этноисторические процессы, обусловленные как импульсами социального развития самих этносов, так и воздействиями внешних факторов, что сказалось в первую очередь на его топонимике, характеризующейся сложностью своего формирования, состоявшей из накладывающихся друг на друга топонимических пластов.

Поэтому при установлении языковой принадлежности субстратной тополексемы, реконструкции ее праформы и воссоздании ее первоначального смыслового содержания могут встретиться весьма серьезные и даже неразрешимые затруднения, решение которых возможно лишь тщательным и глубоким изучением археологических, палеоантропологических, историко-этнографических, лингвогеографических и диалектных данных родственных и неродственных контактирующих языков; причем синхронный план исследования должен четко отграничиваться от диахронического и последовательно оперироваться материалами исторической фонетики и лексикологии, избавляясь от скудости сопоставительных данных.

Совершенно неосновательно рассматривать созданную топонимическую систему Республики Марий Эл как результат творчества только лишь марийского этноса, игнорируя тем самым ее хронологические срезы и факты воздействия на ее формирование субстратных, суперстратных и иных явлений.

Несоблюдение указанных установок и принципов топонимической типологии, оперирующей методами и приемами компаративистики и контрастивной лингвистики, как правило, ведет к ошибочным выводам в определении языковой принадлежности апеллятивной лексики и других структурных элементов топонима. Поэтому не случайно в лингвистической интерпретации ряда топонимов существуют весьма спорные и даже противоречивые мнения, что можно проиллюстрировать конкретным примером.

Так, название реки *Арда* (мар. *Арде*) – лев. пр. р. Волга – марийские ученые объясняют по-разному. И. С. Галкин в своей статье “Топонимика Марийского края в связи с вопросами происхождения марийского народа” причисляет его к группе топо-

нимов с формантом *-да*, справедливо при этом подчеркивая, что оно не поддается объяснению материалами современного марийского языка [Галкин 1967: 204]. Однако в своих последующих изысканиях он считает более вероятным объяснение происхождения речного названия *Арда* и отгидронимических ойконимов *Арда*, *Большая* и *Малая Арда*, *Кого Арде* (офиц. п. Механизаторов), *Ардедёр* (офиц. д. Изеркино) (Килемарский р-н Марий Эл) посредством удмуртского апеллятива *ардо* 'трясина, озеро в болоте, полынья' [Галкин 1985: 31; 1991: 34–35].

По мнению Ф. И. Гордеева, в основе названия селений *Арда*, *Большая* и *Малая Арда* лежит апеллятив *арда*, который возводится им к древнеиранской лексеме **ardaka-* 'сторона, направление'. Со временем гипотеза об иранском происхождении указанных ойконимов подвергалась Ф. И. Гордеевым пересмотру. Так, в "Этимологическом словаре марийского языка" (Йошкар-Ола, 1979) ойконим *Арде* возводит он к гидрониму, который, по его мнению является композитой, состоящей из топоосновы *Ар* и элемента *-да/-та*. При этом он отмечает затруднения, вызванные балто(пруско)-фракийскими топонимическими параллелями, указывая, что в связи с этим было высказано предположение о балтийском происхождении ряда гидронимов Волго-Окского междуречья, в т. ч. и Арды, которое не все лингвисты разделяют [Гордеев 1979: 139–140].

Естественно, подобная процедура этимологического анализа, основанная на внешних звукосоответствиях гетерогенных топонимов и не учитывающая моменты регионально-этнического и исторического характера, отвергается.

Историк К. Н. Сануков, обращая внимание на то, что имеется пара названий *Рдэ – Ардэ*, т. е. *Рутка* (река, впадающая в Волгу недалеко от речки Арды) – *Малая Рутка* (по его мнению, *Арда*), восстанавливает праформу гидронима *Арде* в виде *Ардэ*, где *Ар* 'малая', 'маленькая' + *Рдэ*, допуская при этом возможность стяжения двух *р*. Что же касается слова *Рдэ*, то оно, по его мнению, имеет смысл 'ржавчина', 'ржавость', т. е. вода этой реки имеет цвет ржавчины [Сануков 1983: 136–138].

В общем, и эта гипотеза, имеющая свою доказательность и свою притягательность, не учитывает все лингвоисторические условия возникновения гидронима *Арда*, поэтому и нет, видимо, ее сторонников.

Важно при этом отметить, что до прихода мари в Руткинско-Ардинском междуречье на местах, прилегающих к бассейнам этих рек, обитали древние удмурты, хотя плотность заселения ими указанной территории могла быть низкой. Так, археолог А. А. Спицын, приписывая найденные им памятники “чуди пижемским”, пишет: “Отдельные предметы чудского типа и вещи более позднего происхождения найдены в следующих местностях Яранского и Уржумского уездов: д. Малые Ключи (близ устья Пижмы), д. Бурыгина на Немде, д. Б. Туманур, с. Тужи, поч. Речваж (близ с. Шаранги), поч. Лоскутов, с. Уста, поч. Высокогривский, поч. Казанский, д. Кожи (близ Яранска), д. **Килимары** (выделено нами. – А. К.)...” [Спицын 1889: 34].

Вероятнее всего, что речь здесь идет о найденных удмуртских вещах.

Что касается результатов изысканий марийских археологов, то они свидетельствуют о разнообразии культур памятников, обнаруженных на левобережье Волги в пределах Килемарского района Республики Марий Эл. Так, стоянки и поселения, расположенные недалеко от поселка Дубовский и деревень Отары и Широкундыш, относятся к памятникам волго-камской культуры [Атлас 1990: 43–45]; кремневые сколы и фрагменты керамики, найденные в деревне Мазикино, находящейся на правом берегу р. Арды, являются памятниками с ямочно-гребенчатой керамикой [Атлас 1990: 61]; стоянка, обнаруженная в 1975 году В. В. Никитиным в 1500 м к юго-западу от деревни Троицкий Выселок на песчаной доне, протянувшейся вдоль старого русла р. Арды, представляет собой памятник волосовской культуры [Атлас 1990: 119–120]; Ардинское местонахождение, содержащее фрагменты плоскодонной керамики, орнаментированные оттисками зубчатого штампа и рядами выпуклин – памятник приказанской культуры и культуры “текстильной” керамики [Атлас 1990: 178–179]. Ардинское городище, расположенное на правом берегу р. Арды, является памятником двухслойным. Верхний слой, по мнению археологов, дал материал древнемарийской культуры [Атлас 1993: 40]. Что касается нижнего слоя, то он, как полагает В. С. Патрушев, включает многочисленные фрагменты керамики ананьинского облика, которые характерны и для ананьинских памятников Прикамья. Имея в виду наличие двух этнических компонентов как на поселении, так и на могильнике, В. С. Патрушев

отмечает, что указанные группы находок (псевдосетчатая керамика и керамика ананьинского облика) различаются лишь своим происхождением. Обращая внимание на наличие посуды смешанного типа, он говорит о существовании тесных связей между представителями двух родовых групп, которые, по его мнению, имели эндогамно-экзогамные брачные отношения, и делают вывод о сложении в контактной зоне особой археологической культуры – ахмыловской [Архипов, Патрушев 1982: 51–57].

Однако совершенно непонятно, как в контактной зоне на основе эндогамно-экзогамных брачных отношений могла складываться особая археологическая культура? Возникновение культуры смешанного типа, как правило, является результатом сложных этногенетических процессов, происходивших в самых разнообразных историко-культурных взаимоотношениях, основным фактором в которых явились взаимоассимиляции носителей различных племен, оказавшихся на одной территории.

Что касается выражения “эндогамно-экзогамные брачные отношения”, то, как правильно указывают С. Кузьминых и В. Напольских (правда, о термине “эндогамно-экзогамные брачные связи”), его нет ни в одном словаре этнографических терминов и понятий [Кузьминых, Напольских 1994: 145].

Определенный интерес представляет также Дубовский могильник, расположенный на песчаных дюнах второй террасы р. Волги по бывшей второй Сосновой улице поселка Дубовский (Килемарский р-н Республики Марий Эл). На могильнике, как свидетельствуют раскопки, различают три способа погребения: ингумация (59 погребений), кремация (14), кенотафы (8). По мнению археологов, набор украшений: головные цепочки, височные кольца с колбочкой, нагрудные трапециевидные коньковые шумящие подвески, поясные наборы и т. д. – типичные для марийских древностей IX–XI вв. [Атлас 1993: 40–41].

Этот пример является дополнительной констатацией сложности процессов этногенеза и этнической истории народов финно-пермской языковой общности.

Не менее показательны в этом отношении и предания, содержащие исторические сведения о заселении определенной местности, событиях, происходивших на ней в древности. Так, М. Н. Янтемир, описывая Краснококшайский кантон Маробласти, отмечает, что коренным населением этого района являются

мари, заселившие его в период между XI–XIV вв. Они были вытеснены русскими колонизаторами с районов правобережья Волги, перейдя на ее левобережье, по рекам Рутке, Большой и Малой Кокшаг поднялись до Краснококшайского кантона.

В предании Кукшарских мари (левобережье Козьмодемьянска), как он замечает, говорится, что когда-то на востоке от них, до самого Краснококшайского пахотного района на расстоянии 40 верст, где теперь стоит сплошной лес, тянулись поля и ряд мариийских селений. Предание подтверждается имеющимся в том лесу обширным старым кладбищем, поросшим уже крупным лесом. Жители Кукшар этим кладбищем не пользовались.

Жители д. Шапов, как подчеркивает он, вспоминают, что их предки когда-то жили на берегах Суры.

Далее М. Н. Янтемир высказывает интересные соображения: “Мари здесь встретились с народом уд-мурт, т. е. с вотяками (“одо-мари”). Одо-мари не любили уступать свои насиженные места и вступили с мари в борьбу, но принуждены были отодвинуться в восточном направлении” [М. Н. Янтемир 1926а: 14].

Небезынтересными в этимологической интерпретации топонимов Волго-Камья являются данные антропологии, свидетельствующие также о сложных этногенетических процессах народов финно-угорской общности, история которых складывалась в интенсивных историко-культурных взаимоотношениях с соседствующими макро- и микроэтносами. Так, результаты исследований дерматоглифики финно-угров Евразии явствуют, что северные и южные удмурты различаются чрезвычайно резко (объем кожного рельефа = 21,2), причем первые максимально сближены с горными мариийцами и коми-зырянами (6,0 и 6,2) и мордвой-эрзей (6,7), а южные – с саамами Финляндии (8,7) и затем с саамами-сколтами (12,5); луговых и горных мари разделяет очень небольшое расстояние (8,7), но первые еще ближе к северным удмуртам (6,0), а вторые – к саамам-сколтам (2,2), ивдельским и ляпинским манси (6,0 и 8,1) [Хить 1991: 67–68].

Поэтому не случайно преобладающая часть гидронимов (в большинстве случаев названия крупных и средних, а иногда и малых рек) Республики Марий Эл этимологизируются материалами разных уральских языков.

Что касается гидронима *Арда*, то мысль об удмуртском его происхождении впервые была высказана И. С. Галкиным [1985:

31] и подтверждена М. Г. Атамановым [1988: 86]. Правда, они ограничились лишь этимологией названия р. *Арды*, не указав на ее притоки и не пытаясь выяснить их происхождение.

В экономико-географическом описании Маробласти содержатся следующие сведения об этом речном объекте: “Из заметных притоков Волги по левобережью следует заметить рр. Арду и Парат, которые имеют некоторое сплавное значение. Арда имеет притоки – Кажым, Качмыш, Вирзига, Акай и Покшэл” [Янтемир 1926б: 11].

Среди анализируемых ниже названий притоков р. *Арды* имеются и сомнительные по происхождению слова, этимология которых дается в качестве рабочей.

Кажам. В основе гидронима лежит общеп. слово **kǝǝ*; ‘изгиб, излучина’, ср. коми-зыр. *кӧдж* ‘лука, излучина (реки)’, ‘выступ берега, образуемый излучиной реки’; удм. *кож* ‘залив’ [КЭСК, 138]. В значении ‘самые глубокие места в реке’, ‘омут’ слово *кож* зафиксировано Б. Мункачи в сарап., мал., и каз. диалектах удмуртского языка [Munkácsi 1990: 178]. По данным М. Г. Атаманова, *кож*, диал. *кожс* ‘омут, заводь; излучина реки’ [1988: 64]. В летском диалекте коми-зырянского языка слово *кожа* выступает со значением ‘неглубокое каменистое дно реки’ [ССКЗД, 160]. А. С. Кривошекова-Гантман, отмечая название реки *Кодзь* – лев. пр. р. Косы (Пермск. область), иллюстрирует его коми словами *кӧдз* ‘гравий, мелкая галька’; *кӧдж* ‘хобот, изгиб, лука, излучина, остров’ [Кривошекова-Гантман 1968: 21].

Указывая на физико-географические особенности речки *Кажам*, следует отметить, что с вымыванием дна реки быстринами она изобилует омутами. Это обстоятельство является одним из факторов сопоставления гидронима с удмуртской лексемой *кож* ‘омут’. Однако такая гипотеза предлагается в качестве рабочей.

Что касается звукоперехода **o* > *a* в корневой морфеме гидронима, то он произошел на почве горного наречия марийского языка. Ср., например, заимствованные лексемы: чув. *кужӱр/кокӱр* > марГ *кагыр*, марЛ *кадыр* ‘кривой; кривизна, изгиб’ / удм. *кокырес* ‘согнутый, изогнутый’ [Федотов 1990: 196]; чув. *тусма / посма* (*тус-/пос-* ‘ступать, наступать’ + *-ма*) ‘перекладина’; ‘лестница’; ‘ступенька’ > мар. *пашма* ‘мостики на берегу’; ‘мостик (через речку, ручей)’ / коми *пос, тус* ‘мост; мостики, лестница’ [Федотов 1990: 215]; чув. *турта/торта* (*турт-/торт* ‘тянуть’ + *a*) > марЛ *торта*,

марГ тарта 'оглобля' / удм. турто 'оглобля' / коми тарта 'при-
способление для сгребания для зерна' [Федотов 1990: 215].

Ср. также гидронимы *Кокша > Какшан.

Названия притоков *Акай* и *Покшел*, возможно, противопоставлены по семантическим признакам, которые указывают на величину водных объектов.

В глаз., мал. диалектах удмуртского языка лексема *ака*, имеющая варианты *аки*, *ако*, выступает со значением 'старшая сестра', 'тетя' [Munkácsi 1990: 2]. Не исключено, что в топонимике она функционирует в переносном значении 'старшая река' или 'большой приток'.

В основе гидронима *Покшел* лежит, видимо, удм. слово *покчи* 'младший(-ая)' [УРС, 349], ср. глаз. *роѝ* 'маленькая (в сравнении с большим)' [Munkácsi 1990: 569]. Исходя из этого, можно сказать, что в топонимии слово *покчи* выступает в переносном значении 'младший приток', 'младшая речка' или 'малый приток', т. е. малая река (небольшая) по сравнению с рекой *Акай*. Ср. *Покса*, р., прав. пр. р. Кырчма – Селгинский р-н Удмуртии [СГНУА, 108].

Заслуживают внимания и притоки реки Рутки. М. Н. Янтемир дает следующую характеристику этой реке: "Река Рутка (Рдэ) выходит из Вятской губернии, где она берет начало в Юкшумской волости на так называемом Вятском водоразделе, протекает по кантону (по Козьмодемьянскому кантону Маробласти, – А. К.) с севера на юг на протяжении 70 верст (общая длина 105 верст) и впадает в Волгу в полуверсте ниже города Козьмодемьянска (на 1995 версте Волги).

Большая часть значительных притоков этой реки впадает в нее с правой стороны, а именно: Нужа, Студенка, Кумья (Большая, Средняя и Малая), Арбач, Вышкар, Ахмыл (Коротняк энгер); с левой стороны менее значительны – Лям, Кукша, Нолька, Шюпшык-Мур, Старожилка, Пюча, Большой и Малый Кадеш, Памка и Пурма" [Янтемир 1926б: 11].

Как явствуют названия притоков, этимологически они восходят к разным языковым источникам, в том числе и к пермским.

Среди них существуют и затемненные в семантическом отношении названия, имеющие, однако, параллели в названиях речных объектов современной Удмуртии, Татарстана и Пермской области. К числу таковых относятся: *Кукша*, ср. *Кукша*, р. прав. пр. р. Бима – Каракулинский р-н Удмуртии и Татарстан (СГНУА, 71); *Арбач* – *Арбаш йылгасы* – Кукморский р-н Татарстана [Гарипова 1984: 23].

Следует при этом отметить, что гидроним Арбач является композитой, состоящей из двух элементов: *Ар* + *бач*. Компонент *ар* в образованиях такого типа обычно возводят к этнониму *ар* – тюркское, т. е. башкирское, татарское, чувашское название удмуртов; тат. *баш* 'верховье, исток, начало' [Гарипова 1984: 23].

Однако гидроним *Арбач* интерпретируется на материалах уральских языков: ср. манс. *Ar(i)* – сезонная река, по ней можно ранней весной плавать на лодке или при больших наводнениях в летнее время ловить рыбу [Ромбандеева 1965: 48]; общеп. **va*, ср. коми-зыр. *ва* 'вода, река'. Необходимо заметить, что гидронимический элемент *ва* 'вода' М. Н. Мельхеев определяет как угорское. Ср. также наиболее характерные самодийские речные названия: *ба* (в русском произношении и написании) от камас. *бу*, мат. *бы*, означающих 'воду', 'реку' [Мельхеев 1986: 17, 19].

Гидроним *Вышкар* И. С. Галкин расчленяет на две части: *вышка* (*вишка*) 'приток' и *ар* 'река'. Аппелятив первой части сравнивает он с коми-зыр, словом *вис*, *виска* 'проток, соединяющий болото с рекой или озером', а значение слова второй части объясняет посредством лексемы *ар* 'сезонная река', приводя для сравнения мар. *ар* 'лужа после весеннего разлива', и констатирует, что *Вышкар* (*вишкар*) первоначально означал реку, протекающую по болотистому месту [Галкин 1991: 47].

Однако в порядке уточнения следует отметить, что коми-зырянское слово *вис* [*виск-*] с лексическим значением 'проток, канал, соединяющий озеро с рекой', 'загородка в протоке' [КЭСК, 58]. В диалектах коми-зырянского языка оно фигурирует также со значением 'исток на озере, проток, соединяющий озеро с рекой' [ССКЗД, 52].

Гидроним *Кадеш* по своей структуре является производной, состоящей из лексемы *кад* и гидроформанта *-еш*. Этимологическим соответствием слова *кад* является доперм. лексема **ksd-*, ср. коми-зыр. *кад* [*кадй-*] – 'топь, зыбун, трясина', 'верхний слой трясины'; удм. *куд* 'болото', встречающееся в северном диалекте [КЭСК, 114].

В диалектах коми-зыр. языка слово *кад* и уд. *кавд* выступают со значением 'заболоченное озеро, топкий, зыбкий болотистый берег (озера); трясина, топь' [ССКЗД, 144].

Ср. также *Кады*, р., лев. пр. р. Кырыкмас – Киясовский р-н Удмуртии [СГНУА, 56], *Кадь* – пр. р. Яйвы, впадающей слева в Каму [Кривошекова-Гантман 1968: 21].

Гидроним *Нежсур* является композитой, возникшей сложением двух лексем: *неж* + *сур*. Этимологическим соответствием первого элемента, судя по семантике, является удмуртское слово *не́ж* 'низина, лощина // низинный; низменный'. В диалектах удмуртского языка оно выступает также со значением 'топь, топкое место; трясина' [УРС, 299]. Ср. коми-зыр. *не́дзь, не́дз* 'овраг, ложбина; лог' [Беляева 1968: 39], уд. *не́зь* – 'сырая лесистая ложбина со мшистой почвой' [ССКЗД, 239].

Элемент *сур* в народе обычно связывают с мар. *сур* 'поле', имеющим в марГ вариант *сур*. Однако и этот элемент гидронима является домарийским, восходящим, вероятно, к общеп. слову **h₂sr* 'болото', 'сырость', ср., например, удм. *сур* 'болото', 'влага, сырость'; коми-зыр. *сур, сурвыв* 'болото' [КЭСК, 201], уд. *сур* – 'болото без кочек, где подпочва держит воду' [ССКЗД, 253].

Следует заметить, что М. Г. Атамановым зафиксировано слово *сур* со значением 'мыс, полуостров', 'участок земли', однако он не указал, в каком диалекте удмуртского языка оно наличествует [Атаманов 1988: 65]. Указанные им значения слова *сур* в "Удмуртско-русском словаре" [М., 1983] отсутствуют.

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что формирование топонимов Республики Марий Эл, происходило в сложных ситуациях, где имели место уральские языковые отложения и последующие топонимические напластования, а также сложные переплетения экстра- и интралингвистических факторов.

Сокращенные обозначения типов географических объектов:

д. – деревня; *лев.* – левый приток реки; *п.* – поселок; *поч.* – починок; *пр.* – правый приток реки; *р.* – река; *с.* – село.

Сокращенные названия языков и диалектов:

глаз. – глазовский диалект удмуртского языка (по Мункачи); *диал.* – диалектное слово; *доперм.* – допермский язык-основа; *каз.* – казанский диалект удмуртского языка (по Мункачи); *камас.* – камасинский язык; *коми-зыр.* – коми-зырянский язык; *мал.* – малмьжский диалект удмуртского языка (по Мункачи); *манс.* – мансийский язык; *мар.* – марийский язык; *марГ* – горное наречие марийского языка; *марЛ* – луговое наречие марийского языка; *мат.* – маторский язык; *общеп.* – общепермский язык-основа; *сарап.* – сарапульский диалект удмуртского языка (по Мункачи); *тат.* – татарский язык; *уд.* – удорский диалект коми-зырянского языка; *удм.* – удмуртский язык; *чув.* – чувашский язык.

Библиографический список

Архипов Г. А., Патрушев В. С. Ардинское городище // Археология и этнография Марийского края. Вып. 6. Поселения и жилища Марийского края. Тр. МарНИИ. Вып. 55. Йошкар-Ола, 1982. С. 51–82.

Атаманов М. Г. Удмуртская ономастика. Ижевск, 1988. 168 с.

Атлас 1990 – Никитин В. В., Соловьев Б. С. Атлас археологических памятников Марийской АССР. Вып. 1. Эпоха камня и раннего металла. Йошкар-Ола, 1990. 244 с.

Атлас 1993 – Архипов Г. А., Никитина Т. Б. Атлас археологических памятников Республики Марий Эл. Вып. 2. Ранний железный век и средневековье. Йошкар-Ола, 1993. 152 с.

Беляева А. В. Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в коми топонимии. М., 1968. 110 с.

Галкин И. С. Топонимика Марийского края в связи с вопросом происхождения марийского народа // Происхождение марийского народа. Материалы научной сессии, проведенной Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (23-25 декабря 1965 года). Йошкар-Ола, 1967. С. 203–210.

Галкин И. С. Тайны марийской топонимики. Йошкар-Ола, 1985. 96 с.

Галкин И. С. Кто и почему так назвал. Рассказы о географических названиях Марийского края. Йошкар-Ола, 1991. 160 с.

Гарипова Ф. Г. Татарстан гидронимнары сүзлеге. Казан, 1984. 224 б.

Гарипова Ф. Г. Исследования по гидронимии Татарстана. М., 1991. 294 с.

Гордеев Ф. И. Балтийские и иранские заимствования в марийском языке // Происхождение марийского народа. Материалы научной сессии, проведенной Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (23-25 декабря 1965 года). Йошкар-Ола, 1967. С. 180–203.

Гордеев Ф. И. Этимологический словарь марийского языка. Т. I. А–Б. Йошкар-Ола, 1979. 256 с.

Ефимова С. Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М., 1991. 95 с.

Кривошекова-Гантман А. С. Гидронимия коми-пермяцкого происхождения в Прикамье // Географические названия Прикамья. Пермь, 1968. С. 16–51.

Кузьминых С., Напольских В. Рец.: Патрушев В. С. Финно-угры России. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1992. 216 с. // Финно-угроведение № 1. Йошкар-Ола: Научный центр финно-угроведения, 1994. С. 143–152.

КЭСК – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. 386 с.

Мельхеев М. Н. Географические названия Приенисейской Сибири. Иркутск, 1986. 144 с.

Ромбандеева Е. И. Некоторые этимологии мансийских топонимов // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. 3. К 70-летию профессора Василия Ильича Лыткина. М., 1965 (на обложке: 1966). С. 45–52.

Сануков К. Н. К этимологии топонима Арда // Вопросы марийской ономастики. Вып. 4. Йошкар-Ола, 1983. С. 136–138.

СГНУА – Словарь географических названий Удмуртской АССР. М., 1980. 183 с.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961. 492 с.

УРС – Удмуртско-русский словарь. М., 1983. 592 с.

Федотов М. Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск: Изд-во Саратовск. ун-та Саран. фил., 1990. 336 с.

Хитъ Г. Л. Саамы в дерматоглифической систематике финно-угров Евразии // Происхождение саамов (по данным антропологии и археологии). М., 1991. С. 59–82.

Янтемир М. Н. Описание Маробласти Краснококшайский кантон (С приложением карты кантона). Вып. I. Краснококшайск, 1926а. 63 с.

Янтемир М. Н. Описание Маробласти Козьмодемьянский кантон (С приложением списка населенных пунктов кантона). Вып. IV. Краснококшайск, 1926б (на обложке: 1927). 86 с.

Munkácsi B. A votják nyelv szótára. Lexicon linguae Votiacorum. (Wörterbuch des Votjakischen) (1890-, bzw. 1896) (Reprint). Pécs, 1990. 837 l.